3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81-112.4:811.161.1'37

DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-167-177

ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА АДЪЕКТИВОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ВКУС» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Валеева Л. В.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь, Российская Федерация
lv_yaleeva@mail.ru*

В статье представлена и описана парадигма адъективов со значением вкуса, функционирующая в русском языке. Ядро историко-функциональной парадигмы составили четыре базовых прилагательных – *солёный, сладкий, горький, кислый*. Цель исследования заключалась в выявлении и обосновании динамики изменений в семантической структуре прилагательных с учетом функционального своеобразия данной группы слов на материале этимологических, исторических и толковых словарей русского языка. Работа состояла из двух этапов. На первом этапе были изучены и обоснованы праформы доминантных лексем. На втором этапе воссоздана и описана модель функционально обусловленных семантических изменений для лексем со значением «вкус». Анализ функциональной адаптации адъективов в истории русского языка выявил зависимость продуктивности и активности изменений от условий появления праоснов. Были структурированы и рассмотрены три главных направления семантического развития прилагательных со значением вкуса и их производных лексем. Первое направление демонстрирует сохранение семантики перцептивных ощущений. Второе направление связано с модификацией семантики количества, повлекшей закрепление сем интенсивности и чрезмерности. Третье направление связано с проявлением и трансформацией семантики аксиологической и эмоциональной оценки. Зафиксирована наибольшая мотивационная осложненность семантической структуры адъектива *сладкий*.

Ключевые слова: семантика, вкус, русский язык, историко-функциональная парадигма, адъектив, мотивация, солёный, сладкий, горький, кислый.

ВВЕДЕНИЕ

Историческое развитие языка является важнейшим фактором преобразования знаний человека «в некую единую систему взглядов, своего рода единую коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [3, с. 38–39]. В процессе речевой практики знания постепенно приобретают в языке ценностно-смысловой статус.

На ранних этапах овладения родным языком человек наследует не только способы и модели образования языковых форм, но и весь исторически сложившийся жизненный опыт своего народа. Язык интерпретирует окружающий мир, создавая особую реальность, в которой живет человек. Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем.

Вкус как перцептивный модус, наряду со слуховым, обонятельным, зрительным и осязательным, принадлежит к первичным человеческим ощущениям. Актуальность исследования функциональной адаптации перцептивных понятий в языке заключается в том, что исходные смыслы сенсорных номинаций возникли не столько в процессе освоения человеком среды обитания, сколько приспособления к ней.

Современное изучение интериоризации перцептивного сознания в языке в рамках антропоцентрической парадигмы свидетельствует о нескольких этапах, ярусах развития

наивной картины мира человека. По утверждению О. Михайловой, первый ярус формируют «представления о человеке как индивиде, биологическом существе» [12, с. 223]. Второй ярус организует знание о личности и обществе. Третий ярус картины мира составляют имена с обобщенной семантикой мысли и чувства, в том числе признаковые имена в переносных значениях, приобретшие значения ментальной лексики [12].

Современное понимание природы языковых представлений вкусового восприятия человека основывается на утверждении о едином содержательном компоненте семантической группы «вкус» для носителей конкретной лингвокультуры. З. Г. Темаргазина, исследуя когнитивную специфику концептов вкуса, синтезирует онтологическую основу представлений о вкусах, как о физиологическом механизме «вкусового восприятия человека, основанного на работе рецепторов, расположенных на языке», и лингвокультурную сферу знаний, в основе которых осознанные и осмысленные опытные данные о своих вкусовых ощущениях [22]. Т. Ю. Щуклина, А. А. Талицкая, А. В. Юрьева и другие рассматривают семантическую структуру адъективов с общим компонентом «имеющий тот или иной вкус» [29, с. 16], «осуществляющий описание вкуса 'через отсылку к реалиям внеязыковой действительности'» [21, с. 172].

Проблематика изучения семантики вкуса в русском языке включает изучение конкретной лексики с семантикой вкусового восприятия в языке конкретных авторов и произведений (О. В. Четверикова, М. В. Майсеёнок, И. Лю и др.), метафорические и аксиологические языковые репрезентации вкусовых характеристик (Т. О. Ванина, Т. Г. Голощапова, С. А. Моисеева, Е. Ю. Яровая, М. В. Шкаброва, Н. Ю. Шнякина), в сопоставительном аспекте в русском и итальянском, китайском, немецком, чешском, тюркских и других языках (Г. Б. Блинные, М. Д. Чертыкова, Ц. Лю, Б. Н. Жантурина и др.) и под.

Историко-функциональный аспект изучения семантики лексической единицы представляет особую значимость для лингвистики, так как, во-первых, фиксирует языковую основу, являющуюся платформой для всех языковых процессов, во-вторых, позволяет реконструировать этапы развития всех языковых форм. Данный метод представляет собой структурирование общих направлений изменения семантики лексики в результате ее функционирования в истории русского языка в сопоставлении с праосновой рассматриваемого слова.

Цель исследования – выявить и структурировать динамику изменений в ядерных адъективах семантической группы «вкус» в русском языке с учетом функционального своеобразия данной группы в истории русского языка на материале отечественной лексикографии.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В наивной языковой картине мира существуют четыре основных градации вкуса: соленое, сладкое, кислое, горькое, что подтверждается лексикографическим материалом и естественнонаучных, и гуманитарных областей знания [16, с. 105; 11].

Языковое освоение вкусового мировосприятия русского человека включает вербальное фиксирование вкусовых ощущений, накопление мотивационных связей производящих слов, реализацию деривационного потенциала базовых лексических единиц с учетом их функциональной совместимости, дальнейшее их эксплицитное и имплицитное развитие с учетом экстралингвистических факторов.

Изучение реконструированной первичной структуры имен прилагательных семантической группы «вкус» проводится на материале корпуса этимологических и исторических словарей русского языка.

Имя прилагательное *солёный* восходит к и.-е. основе *sol- и, по мнению историков языка, сохраняет в семантической структуре архисему объективного вкусового ощущения «солёный вкус» [25; 27]. По мнению Н. Д. Андреева, раннеиндоевропейский бином *SX-LY* (где *X* – велярный спирант) складывается из *SX*, имеющего протосему «солнце», и *LY*, сохраняющего значение «оставлять, оставаться», и в позднеиндоевропейском языке наблюдается модификация денотата «оставшееся от солнцепека, выпаренное > соль» с последующей деэтимологизацией *SXL-Y* «солёный». Таким образом, стало возможным образование и.-е. *sol- со значением «солёная вода», «соль» [1, с. 52].

Адъектив *сладкий* в этимологическом словаре современного русского языка А. К. Шапошникова [34] рассматривается с опорой на древнеболгарское и восточнославянское происхождение слова. Историк выделяет корень *солд-* и суффикс – *ькъ*, определяет индоевропейскую расширенную основу *sal-d «солёный, имеющий определенный вкус» [34, с. 331]. Ученый приводит литовские лексические соответствия со значением «сладкий» и готскую языковую форму *solt* со значением «соль». В качестве основной версии при реконструкции прасемантики слова *сладкий* предлагает считать выделение архисемы «имеющий вкус», в качестве менее вероятных, но возможных версий рассматривает древнее праславянское переоформление и видоизменение и.-е. *swed- / swod- / swad- «нравиться, приходится по вкусу». В группу исторических элементов данной семантической группы исследователь включает *сало*, *солод*, *соль* [34].

Этимологическое представление слова *сладкий* в словаре Г. П. Цыганенко выполняется на основе праславянского корня *sold «сладок», образованного с помощью суффикса –d-ъ от той же основы, что и в слове *соль*. «Значение развивалось, вероятно, следующим образом: первоначально *sold «солёный», затем «приправленный» (не только солью), далее – «вкусный» и, наконец, – «сладкий». См. *салат* [26, с. 383].

Исследователь учитывает все фонетические процессы, которые повлияли на формирование современных языковых литературных и диалектных элементов со значением «сладкий». В этот ряд включены фонетические процессы: утрата слабых редуцированных и изменение *кы* в *ки* (*сладькый* – *сладкий*); изменение *dt* – *tt* – *st* (**сладть* – *сласть* «сладости, лакомство»); изменение *tj – щ (*сластја* – *слаща* «сладость»), ср. диал. *слаща* «брюква», от него *слащавый* «очень сладкий, приторный»; изменение праславянского сочетания *-ol между согласными в неполногласное сочетание –ла- (*sold – *сладь* «сладок») и изменение в полногласное сочетание –оло- (*солод* «продукт из проросших зерен хлебных злаков сладковатого вкуса, используемое при изготовлении кваса и т. п. Значение восточнославянского существительного *солодь* «почва из солонцов при избытке влаги», по мнению Г. П. Цыганенко, также восходит к слову *соль* [26, с. 383].

Г. А. Крылов определяет единую индоевропейскую природу для общеславянских слов *соль* и *сладкий* [32, с. 371]. В этимологическом словаре М. Фасмера представлено имя прилагательное *солодкий*. По мнению историка языка, праславянская форма *sold-къ обладало первоначальным значением «солёный, вкусный, пряный» [25, с. 713].

Вышеприведенный анализ свидетельствует, что индоевропейский корень *sal- указывает на динамику развития смысла от наличия какого-либо вкуса, как правило, жизненно необходимого (и к таким продуктам относится соль), до создания определенного вкуса (и к таким продуктам относятся сладкие продукты, содержащие сахар или приготовленные с сахаром, мёдом, вареньем). Доминанта *сладкий* и ее

производные образованы на основе реконструированной семы **sal-d* с последующей цепочкой семантических трансформаций от «солёный» через «вкусный» или «приправленный» к «пряный» и «сладкий».

Перцептивный опыт человека реализуется в виде доминантной оппозиции 'сладкий – горький'. В отечественной лексикографии архетипическое противопоставление обладает объяснительной силой: «горький <...> 'едкий, противоположный сладкому' (как *попынь горький*)» [2, с. 297].

Происхождение имени прилагательного *горький* связывают с этимологией глагольных образований **goretī* «гореть», «жечь» и процессами адъективации **gor-ъкъ* «жгучий, едкий» → «горький» XI в. [4]. В. А. Меркулова указывает на существование в языке подобных словообразовательных моделей: «'резать' → 'резкий, горький'» [10, с. 62] Предлагаются версии образования прилагательного из *горячий*: «от и.-е. **g^hor-ī-ko-* 'едкий, жгучий' (>'то, что обжигает язык' > 'горький'), без точных и.-е. параллелей» [2, с. 298]. Н. М. Шанский считает, что прилагательное *горький* в праславянской форме **gogькъ* испытало влияние форм настоящего времени **gorja*, **gorjькъ* > **gogькъ*. Развитие значений слова проходило от «обжигающий, горячий» до «производящий неприятное ощущение, горький» [30, с.143–144].

Реконструкция праосновы адъектива *кислый* демонстрирует продуктивный способ суффиксального образования: от глагола *кысати* (**kys-*) с помощью суффикса *-ль* (**kys-l-*) [31, с. 138; 33, с. 394]. М. Фасмер предлагает варианты значений производящего глагола: от «мокнуть» до «бродить» и «гнить» [24, с. 239].

Таким образом, историко-семантическая реконструкция адъективов со значением «вкус» выявило индикацию этапов языкового освоения вкуса: «состояние», «оценка», «внедрение» и «закрепление». Стадии формирования семантики вкуса в истории русского языка реализуют две модели. Первая модель, наблюдаемая в дихотомии *солёный – сладкий*, строится на редукции семы «состояние», эксплицированной в глаголах *оставаться, выпарить, иметь*, активации оценки и последующем преобразовании семной комбинации праосновы: «выпаренная солёная вода на солнце» → «вкус соли» → *солёный*, «имеющий приятный вкус» → «вкусный» → *сладкий*. Вторая модель связана с процессом генерирования семантики вкуса для прилагательных *горький, кислый*. Внедрение в язык и закрепление в нем ключевых лексем вкуса происходит в результате расширения семантической структуры отглагольных дериватов: «гореть» → «горячий, жгучий, едкий вкус» → *горький*; «киснуть, бродить» → «прокислый вкус» → *кислый*.

Функциональная параметризация адъективов семантической группы «вкус» обусловлена общечеловеческой и национальной природой языка. Она отражает степень интеграции общечеловеческих ценностей, обыденного знания и культурной памяти, существующих в языковом коллективе. Основные вербальные носители вкусовой перцепции создают парадигматические ряды в языке вследствие их корреляции с семантикой включения, желания, эмоций и под.

Анализ и систематизация лексикографического материала выявили общие признаки и характеристики адъективов в процессе их функционирования в разные периоды истории русского языка.

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847 г.) в структуре адъектива *сладкий* закреплены семы «приятный на вкус, не имеющий горечи, кислоты и остроты» и «приятный, услаждающий чувства» [20, с. 144]. Сохраняют семантику мотивирующего

слова *сладкий* атрибутивы *сладковещанный* «церк. приятно говорящий», *сладкоглаголивый* «имеющий способность приятно говорить», *сладкогласный* «имеющий приятный, усладительный голос», *сладковдохновенный* «церк. дышащий приятностью», *сладкодыхательный* «церк. тоже, что сладковдохновенный», *сладкозвучный* «имеющий усладительный звук», *сладкопесенный* «церк. поемый согласно, приятно, усладительно», *сладкоречивый* «приятно, усладительно выражающий свои мысли; красноречивый» и др. [20, с. 144–145].

В «Корнеслове русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками» Фёдора Шимкевича выделены устойчивые значения слова *сладкий*: «1. не имеющий в себе ни кислоты, ни горечи; приятный на вкус; 2. в разных отношениях приятный», а также модифицированные значения «пресный» и «удовольствие». [28, с. 57]. Материал «Словаря русского языка X–XIII веков» Е. С. Отина подтверждает расширение семантической зоны ядерной лексемы и экспликацию семных компонентов ‘пресный’ и ‘наслаждение’ [15, с. 327]. В словаре фиксируется, что дериват *сладострастие* включает сему ‘плотоугодие, похоть’; субстантив *сладкоречие* – сему ‘красноречие’ [15, с. 327].

В Толковом словаре В. И. Даля слово *сладкий* и его эквивалент *солодкий* сохраняют значение «вкусом более или менее похожий на сахар»; а также транслируют семы ‘лучшее’, например, *сладкое мясо*; ‘вкусный’, например, «*Без соли не сладко, а без хлеба не сытно*»; ‘успокаивающий чувства’, например, *Сладкий голос, пение* [8, с. 219]. В словаре представлены диалектные семантические варианты, например: *сладенький человек* «приторный, который любит нежничать, сладко говорить» [8, с. 219].

В словарях XX и XXI вв. адекватно устойчиво функционирует в значениях: «имеющий приятный вкус, свойственный сахару или мёду»; «приятный, доставляющий удовольствие» и в контекстуально востребованных значениях: «3. Перен. Приторно-нежный, умильный. 4. Перен. Лстивый, лицемерный. 5 *Сладкое*. Десерт, третье блюдо» [14, с. 728]; «2. Разг. Испачканный вареньем, медом и т.п. 3. Разг. Вкусный. 4. Вызывающий приятное ощущение при восприятии (о звуках, запахах). 5. Разг. Проникнутый удовольствием, счастьем, радостью» [6, с. 1206].

Важно отметить, что описание слова *сладкий* в разных лексикографических источниках характеризует прилагательное посредством устойчивых и регулярных сем ‘вкус’, ‘эстетическое удовольствие’, ‘высокая степень интенсивности, чрезмерность’. Парадигматический ряд адекватно представляют *сахарный, приятный, слащавый, счастливый* [19, с. 420]. Отмечены процессы семной конкуренции, в результате которой утратилась сема ‘пресный’ в структуре лексемы *сладкий*.

Чувственная и душевная зоны производных форм адекватно включали и собственно вкус, и голос, и негу: *сладкозвучный, сладковещанный, сладкоречивый, сладковонный, сладкододухновенный, сладкослышан* и подобные. Значения «успокаивающий чувства», «говорить сладенько, нежно, приторно», «приятный, располагающий к неге», «сладкий чувствами или душе» охватывают не только зоны сенсорно-перцептивных восприятий: голос («говорить»), тело («располагающий к неге», то есть к расслабленности), но и зону состояний души («сладкий душе», напр. *Сладостное сознание исполненного долга*) [8, с. 219]. С XIX в. обнаруживаются процессы функциональной дегрессии синкретичных форм, представляющих перцептивные свойства в языке. В современном языке закрепляются вербальные эквиваленты для сложных форм от *сладкий*: *благозвучный, благоуханный, красноречивый* [19; 20]. М. А. Новак указывает на выявленную

конкуренцию существительных *сласть* и *страсть* как параллелей семантической группы «страсть, волнение, возбуждение, аффект». Исследователь отмечает, что в списках ранней редакции «Апостола» последовательно используется слово *сласть*, в более поздних списках – *страсть* [13, с. 129–130].

Анализ функциональной карты адъектива *сладкий* посредством семантико-мотивационной реконструкции [5] показал, что причиной для закрепления в языке новых значений стало верификация в языке результата употребления сладкого вещества (сахара, меда) или как нормы (удовольствие), и как нарушения нормы (чрезмерность). Ядерные компоненты изучаемой семантической группы явились основанием для формирования в X–XIX вв. значения эстетической оценки «удовольствие, наслаждение» и аксиологической доминанты «интенсивность, чрезмерность». Особый интерес вызывает гипотеза Е. С. Отина об истоках наложения семантики «наслаждения» на семантику «вкуса». По мнению ученого, значение «наслаждение», «блаженство» «появилось в речи славян, знакомых с греческим языком, в результате смешения греческих паронимов троφή ‘пища’ и τρυφή ‘наслаждение’» [15, с. 248]. Сочетание *пища райская* считается полным лексическим эквивалентом понятия «наслаждение». Новым значениям семантической группы адъектива *сладкий* свойственны слабые мотивационные связи с праосновой **слад-* или их утрата.

Реализация собственно языковых, коммуникативных и лингвокультурных функций адъективом *соленый* в истории русского языка отмечена менее значительным рядом семантических вариаций.

Функциональное развитие адъектива *солёный* связано с получением опыта и развитием навыков носителя русского языка в обыденной жизни, поэтому в семантической структуре ядерного слова и в деривационной семантике *сол-* выявлены малочисленные семантические трансформации.

Одно из направлений функционального акцентирования семантического компонента ‘соль’ в русском языке связано с процессами изготовления и применения вещества. Семантика деривационных форм функционально адаптирована к семам «приготовленный, консервированный в растворе соли» [34, с. 353]. В группе представлены лексические единицы *солянка*, *соленье*, *солонина*, *солонатово* и под. [23, с. 444–445]. В «Словаре церковно-славянского и русского языка» различают производные языковые единицы, связанные с реалиями работы с солью в XIX в.: действиями, свойствами, локализацией и под.: *солеварение* – «выварка соли», *солевоцик* – «занимающийся возкою соли с солончаков и озер; чумак», *соление* – «действие солящего», *соленость* – «свойство соленого», *солице* – «место, обильное солью, солончак» и т. д. [20, с. 181].

Другое направление функционирования производных форм праосновы адъектива *соленый* инициировано количественной семантикой, характерной для номинаций со значением «вещество». В процессе развития языка количественное значение трансформировалось в семантику избыточности, неупорядоченности. В современных лексикографических источниках описаны дериваты *соленость* – «насыщенность солью; степень солености»; *сборная солянка* – «(разг. неодобр.) неупорядоченная смесь чего-нибудь, мешанина»; *засоление* – «повышение содержания минеральных солей в почве, препятствующее земледелию» и т. п. [16].

Еще одно направление развития функциональной парадигмы прилагательного *соленый* обусловлено развитием ценностного представления о мотивах и результатах проявления вкусовых ощущений. В семантической структуре лексем закрепляются семы

переносного значения: «то, что придает особенный интерес, особый смысл, остроту чему-нибудь» [16, с. 571]; «выразительный и резкий до грубости, непристойный (разг.)» [34, с. 353]. В результате качественной трансформации фиксируется освоение семантики отрицательно оцениваемого состояния с дальнейшим включением семантических эквивалентов *соль* и *соленый* в группу оценочных слов русского языка.

Адъективы *горький* и *кислый* находятся в парадигматических отношениях между собой и с лексемами *сладкий*, *соленый*, так как функционально одинаково проявляются в значениях вкусового восприятия и развиваются в одинаковых направлениях, дают сходные значения избыточности и оценочности, реализуемые в семантических и семантико-словообразовательных дериватах.

Семантика прилагательного *горький*, прежде всего, передает вкусовые ощущения. В отечественной лексикографии горький вкус описывается как «острый, неприятный, едкий вкус, свойственный хине, полыни, горчице» [6, с. 222] или как «острый на вкус, едкий, горючий, противоположный сладкому» [7, с. 946].

Семантические сдвиги вследствие изменения функциональных возможностей адъектива *горький*, появления новых сочетаний и увеличения частотности их употребления приводят к возникновению ценностной оценочности рассматриваемого атрибута. Например, горький вкус полыни у русского человека ассоциируется со страданиями, несчастьями, обычно символизирует горькую жизнь, нелюбимого человека, чужое место; порождает новые образы «горькой доли вдовы», оберега от русалок [9]. Проекция ценностной семантики прилагательного *горький* наблюдаются в устойчивых сочетаниях *горькая участь*, *горькая судьба*, *горе горькое* и под., репрезентирующих жизненные ситуации беды и несчастья.

Семантические связи адъектива формируют гибкую семантику интенсивности, которая осваивает как вкусовые рефлексии, так и адаптируется к культурно-ценностному кодированию переносных смыслов. Производная форма *горчинка* обозначает «слабый горький привкус» [16, с. 105]. Процесс сужения семантической структуры прилагательного ранжирует степень интенсивности семантики горя и несчастья для многозначного слова. В одном значении *горький* релевантно значению «тягостный, мучительный»; в другом значении фиксируется меньшая интенсивность признака: «горестный, печальный» [17, с. 98].

Производные формы, появившиеся в результате семантических изменений и переосмысления семантики вкуса, проецируют оценочную семантику на предметы, качества, действия и под. Субстантив *горьшина* транслирует семантику «худшее», сложные прилагательные *горькосердый* соответствует метафорическому сочетанию «жестокое сердце» > «жестокосердый», *горькотворивый* – «приносящий несчастье» [17, с. 98].

Функциональная парадигма поступательных переосмыслений адъектива *кислый* повторяет модель развития основных языковых форм вкуса в русском языке. Первичный слой словоупотреблений, восходящий к индоевропейской праоснове и кодирующий вкусовые впечатления, сохраняется на протяжении всей истории употребления прилагательного: *кислая капуста*, *кислая похлебка*, *кислое молоко* и т. п. Семантика интенсивности признака вкуса формируется с помощью суффиксов: *кисловатый* «слегка кислый на вкус», *киследь* «что-либо прокисшее (о продуктах)», то есть чрезмерно кислое [18, с. 138]. В современном русском языке установлена и описана микросистема дериватов с семантикой «кислый», транслирующих различную степень вкусового ощущения: *кислинка*, *кислятина*, *прекислый*, *кисленький*, *кисловатый* и под.

Ценностная семантика вторичных номинаций прилагательного *кислый* конструируется в результате взаимодействия носителя языка и социума. Оценочная семантика адъектива и его производных проявляется в переносных значениях антропологического типа: визуального воплощения вкуса (*кислая физиономия*), характеристики человека (*кислота*). Е. Л. Березович описывает пищевую метафору брани, выделяя в диалектах русского языка интерпретацию кислого вкуса в качестве бранного слова: «ср.-урал. *кислое слово* ‘непристойное, бранное слово’»; «вгл. *кисленя* (*кислѣня*) ‘употребляется как бранное слово; кислятина’, калуж. *кислота Тихоновская* ‘употребляется как бранное выражение’ [5, с. 343].

ВЫВОДЫ

История появления и функционирования вкусовых ощущений в русском языке выявило единые принципы структурирования и развития основных элементов семантической группы «вкус»: адъективов *солёный, сладкий, горький, кислый*.

Формирование историко-функциональной парадигмы включало два этапа: 1. представление и обоснование праформ доминантных лексем; 2. моделирование системообразующих семантических процессов, происходивших в данной группе.

Реконструкция архисем адъективов и анализ процессов появления праформ на материале этимологических, исторических и толковых словарей русского языка показали, что языковое освоение вкуса происходило двумя способами. В первом случае наблюдалась редукция сем с последующей трансформацией семной структуры. Данный способ характерен для адъективов *солёный* и *сладкий*. Вербальная экспликация вкуса *горький* и *кислый* формировалась в результате процесса генерирования смысла.

Анализ функциональной адаптации адъективов показал, что в процессе развития словоформ системно проявились три направления семантического развития прилагательных и их дериватов.

Первое направление связано с сохранением и закреплением семантики вкуса, второе направление связано с модификациями количественной семантики, что повлекло включение в семантическую структуру производных слов ‘интенсивность’, ‘чрезмерность’. Третье направление связано с проявлением и трансформацией в структуре слов сем аксиологической и эмоциональной оценки.

Исследование показало, что мотивационная осложненность праформы адъектива *сладкий*, генетически связанной с праосновой репрезентанта солёного вкуса *sol-, экстраполировала многочисленные семантические трансформации и конкуренции признаков имен с обобщенной семантикой мысли и чувства. Семантические метаморфозы в система адъективов *солёный, горький, кислый* характеризуются меньшей интенсивностью.

Перспектива исследования видится в разработке общей модели развития семантической структуры ключевых слов перцептивного модуса, а именно слухового, обонятельного, зрительного и осязательного, в русском языке.

Список литературы

1. Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейские корни с велярными спирантами // Вопросы языкознания. – 1978. – № 5. – С. 46–54.
2. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 11. – М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Новосибирск: Ин-т филологии Сибирского отделения РАН; СПб.: «Нестор–История», 2017. – 368 с.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды. – Т. I. Лексическая семантика. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.

4. Багриновский Г. Ю. Краткий этимологический словарь. – М.: КоЛибри, Азбука–Аттикус, 2018. – 671 с.
5. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. – М.: Русский Фонд Содействия Образования и Науки, 2014. – 488 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. – Санкт-Петербург: Норинт, 2003. – 1534 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 1. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 752 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 4. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 672 с.
9. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. – М.: «Индрик», 2009. – 352 с.
10. Меркулова В. А. Русские этимологии. VI // Этимология: под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова, В. А. Меркуловой, О. Н. Трубачева. – М.: Наука, 1983. – С. 58–66
11. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. – 672 с.
12. Михайлова О. Ограничительный компонент в семантике русского слова. Теория лексического значения. – Palmarium Academic Publishing, 2014. – 392 с.
13. Новак М. А. Апостол в истории русского литературного языка : Дис. ... док. филол. наук: 10.02.01. – Казань, 2014. – 486 с.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 938 с.
15. Отин Е. С. Словарь русского языка X–XVIII веков. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 436 с.
16. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 6 т. / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 3. – М.: Азбуковник, 1998. – 630 с.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 4. – М.: Наука, 1977. – 404 с.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 7. – М.: Наука, 1980. – 404 с.
19. Словарь синонимов русского языка / сост. А. Ю. Мудрова. – М.: Центрполиграф, 2009. – 507 с.
20. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук: В 4 т. – Т. 4. – Санктпетербургъ: въ Типографии Императорской Академии Наукъ, 1912. – 1684 с.
21. Талицкая А. А., Юрьева А. В. Семантическая история лексем, входящих в центр лексико-семантической группы прилагательных вкуса в русском языке // Социальные и гуманитарные знания. – 2019. – Т. 5. – № 2. – С. 170–179.
22. Темиргазина З. К. Представления о вкусах как когнитивная область знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 115–121. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-o-vkusah-kak-kognitivnaya-oblast-znaniy> – (Дата обращения: 12.03.2025).
23. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. – М.: АСТ, 2014. – 639 с.
24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – Т. 2. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – Т. 3. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
26. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – К.: Рад.шк, 1989. – 511 с.
27. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – Т. 2. – М.: Рус. яз., 1999. – 560 с.
28. Шимкевич Ф. Корнесловъ русскаго языка, сравненнаго со всеми главнейшими славянскими наречиями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками: В 2 ч. – Ч.2. – СПб.: Типография. Императорской Академии Наукъ, 1842. – 167 с.
29. Щуклина Т. Ю. Семантическое развитие прилагательных со значением вкуса в истории русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Казань, 1995. – 22 с.
30. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. – Т. I. – Вып. 4. – М.: Издательство Московского университета, 1972. – 216 с.
31. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. – Т. II. – Вып. 8. – М.: Издательство Московского университета, 1982. – 470 с.
32. Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432 с.

33. Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – Т. 1. – М.: Флинта : Наука, 2010. – 584 с.
34. Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – Т. 2. – М.: Флинта : Наука, 2010. – 576 с.

References

1. Andreev N. D. *Ranneindoevropskie korni s velyarnymi spirantami* [Early Indo-European roots with velar spirants] *Voprosy yazykoznaviya*, 1978, No 5. pp. 46–54.
2. Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Vyp. 11. Moscow. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN; Novosibirsk: In-t filologii Sibirskogo otdeleniya RAN; SPb.: Nestor-Istoriya Publ., 2017. 368 p.
3. Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. V. I. *Leksicheskaya semantika*. Moscow. Shkola Yazyki russkoi kul'tury, Izdatel'skaya firma Vostochnaya literatura RAN, 1995. 472 p.
4. Bagrinovskii G. Yu. *Kratkii etimologicheskii slovar'* [Brief Etymological Dictionary]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2018. 342 p.
5. Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshchoslavianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary against a common Slavic background: semantic and motivational reconstruction]. Moscow, Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniya i Nauki, 2014. 48 p.
6. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. Sankt-Peterburg, Norint Publ., 2003. 1534 p.
7. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 vol.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1. Moscow, RIPOL klassik, 2006. – 752 p.
8. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 vol.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow, RIPOL klassik, 2006. 672 p.
9. Kolosova V. B. *Leksika i simbolika slavyanskoi narodnoi botaniki. Etimologicheskii aspekt* [Vocabulary and Symbolism of Slavic Folk Botany. Ethnolinguistic Aspect]. Moscow, Indrik, 2009. 352 p.
10. Merkulova V. A. *Russkie etimologii. VI* [Russian Etymologies. VI]. *Etimologiya*. Ed. by Zh. Zh. Varbot, L. A. Gindina, G. A. Klimova, V. A. Merkulovoi, O. N. Trubacheva. Moscow. Nauka, 1983, pp. 58–66.
11. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [Large psychological dictionary]. St. Petersburg, Praim-Evroznak Publ., 2004. 672 p.
12. Mikhailova O. *Ogranichitel'nyi komponent v semantike russkogo slova. Teoriya leksicheskogo znacheniya* [Restrictive component in the semantics of the Russian word. Theory of lexical meaning]. Palmarium Academic Publishing, 2014. 392 p.
13. Novak M. A. *Apostol v istorii russkogo literaturnogo yazyka: Diss. ... dok. filol. nauk* [Apostle in the history of the Russian literary language]. Kazan', 2014. 486 p.
14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 938 p.
15. Otin E. S. *Slovar' russkogo yazyka X–XVIII vekov* [Dictionary of the Russian language of the X–XVIII centuries]. Donetsk, Yugo-Vostok Publ., 2014. 436 p.
16. *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovanniy po klassam slov i znachenii: V 6 vol.* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings], *pod obshchei red. N. Yu. Shvedovoi*. Vol. 3, Moscow, Azbukovnik, 1998. 630 p.
17. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language 11–17th centuries.], Vyp. 4, Moscow, Nauka Publ., 1977. 404 p.
18. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language 11–17th centuries.], Vyp. 7, Moscow, Nauka Publ., 1980. 404 p.
19. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. Ed by. A. Yu. Mudrova. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2009. 507 p.
20. *Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii Nauk: v 4 vol.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages, compiled by the second department of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 4. Sanktpeterburg, 1912. 1684 p.
21. Talitskaya A. A., Yur'eva A. V. *Semanticheskaya istoriya leksem, vkhodyashchikh v tsentr leksiko-semanticheskoi gruppy prilagatel'nykh vkusa v russkom yazyke* [Semantic history of lexemes included in the center of the lexical-semantic group of adjectives of taste in the Russian language] *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*, 2019, Vol. 5. No 5. pp. 170–179.

22. Temirgazina Z. K. *Predstavleniya o vkusakh kak kognitivnaya oblast' znaniy* [Taste concepts as a cognitive domain of knowledge]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2013 No 2. pp. 115–121. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-o-vkusah-kak-kognitivnaya-oblast-znaniy> (accessed 12 March 2025).
23. Tikhonov A. N. *Novyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka dlya vseh, kto khochet byt' gramotnym* [New word-formation dictionary of the Russian language for everyone who wants to be literate]. Moscow, AST Publ., 2014. 639 p.
24. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 vol.* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 2, Moscow, Progress Publ., 1986. 672 p.
25. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 vol.* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 3, Moscow, Progress Publ., 1987. 832 p.
26. Tsyganenko G. P. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Kyiv, Rad. shkola Publ., 1989. 511 p.
27. Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 vol.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 2, Moscow, Rus. yaz. Publ., 1999. 560 p.
28. Shimkevich F. *Korneslov russkogo yazyka, sravnennago so vsemi glavneishimi slavyanskimi narechiyami i s dvadtsat'yu chetyr'mya inostrannymi yazykami: v 2 ch.* [A root dictionary of the Russian language, compared with all the main Slavic dialects and with twenty-four foreign languages]. Ch.2, Sanktpeterburg, Tipografiya. Imperatorskoi Akademii Nauk, 1842. 167 p.
29. Shchuklina T. Yu. *Semanticheskoe razvitiye prilagatel'nykh so znacheniem vkusa v istorii russkogo yazyka : Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Semantic development of adjectives with the meaning of taste in the history of the Russian language]. Kazan', 1995. 22 p.
30. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Ed. by N. M. Shanskogo. Vol. 1. Vyp. 4. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1972. 216 p.
31. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Ed. by N. M. Shanskogo. Vol. 2. Vyp. 8. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1982. 470 p.
32. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. [Etymological dictionary of the Russian language]. Sost. G. A. Krylov. Saint Petersburg, OOO «Poligrafuslugi» Publ., 2005. 432 p.
33. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 vol.* [Etymological dictionary of the modern Russian language]. Sost. A. K. Shaposhnikov. Vol. 1. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 584 p.
34. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 vol.* [Etymological dictionary of the modern Russian language]. Sost. A. K. Shaposhnikov. Vol. 2. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 576 p.

HISTORICAL AND FUNCTIONAL PARADIGM OF ADJECTIVES OF THE SEMANTIC GROUP «TASTE» IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Valeeva L. V.

The article presents and describes the paradigm of adjectives with the meaning of taste, functioning in the Russian language. The core of the historical-functional paradigm was formed by four basic adjectives – *salty, sweet, bitter, sour*. The purpose of the study was to identify and substantiate the dynamics of changes in the semantic structure of adjectives, taking into account the functional uniqueness of this group of words on the material of etymological, historical and explanatory dictionaries of the Russian language. The work consisted of two stages. At the first stage, the proto-forms of dominant lexemes were studied and substantiated. At the second stage, the model of functionally conditioned semantic changes for lexemes with the meaning «taste» was reconstructed and described. The analysis of the functional adaptation of adjectives in the history of the Russian language revealed the dependence of the productivity and activity of changes on the conditions of the emergence of proto-bases. Three main directions of the semantic development of adjectives with the meaning of taste and their derivative lexemes were structured and considered. The first direction demonstrates the preservation of the semantics of perceptual sensations. The second direction is associated with the modification of the semantics of quantity, which entailed the consolidation of the semes of intensity and excess. The third direction is associated with the manifestation and transformation of the semantics of axiological and emotional assessment. The greatest motivational complication of the semantic structure of the adjective *sladkiy* is recorded.

Keywords: semantics, taste, Russian language, historical-functional paradigm, adjective, motivation, salty, sweet, bitter, sour.